

**К ПРОБЛЕМЕ РЕЦЕПЦИИ МИФА О КАССАНДРЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕСИ УКРАИНКИ**

На переломном этапе развития человеческой цивилизации, когда под влиянием различных социальных и исторических факторов происходит смена ценностных координат, в литературе актуализируется интерес к общекультурному опыту прошлого. Коллективное сознание стремится проникнуть в глубины, истоки человеческого бытия, чтобы найти ответы на волнующие вопросы современности. В ходе литературного развития происходит процесс вычленения универсальных образцов различного происхождения, в которых сконцентрированы общие свойства человеческой природы, отражены универсальные конфликты и ситуации, повторяющиеся в истории человечества на каждом этапе его развития. Трансформационные связи, которые прослеживаются между национальными литературами и общекультурными образцами, позволяют переносить аксиологические аспекты общеизвестного материала в современную для эпохи-реципиента ситуацию, чтобы раскрыть экзистенциальные проблемы настоящего и предположить дальнейший ход развития человечества.

На рубеже XIX-XX вв. назревает кризис исторического сознания, подготовленный эстетической программой реализма, новыми научными открытиями и политическими событиями. Рожденная переходным временем, культура модернизма обращается к интуитивному, иррациональному познанию окружающей действительности, к внутреннему миру человека. Актуальным становится вопрос о самооценности индивида, его месте и роли в истории. Литература этого периода полна ощущений некоего катастрофизма времени, а трагическое восприятие эпохи отражается в апокалиптических мотивах. В такой ситуации вполне органичным является обращение писателей к традиционным образам и сюжетам легендарно-мифологического происхождения, которые играют роль своеобразного маяка, нравственного ориентира для переходного времени. Их смысловая гибкость, многозначность позволяет создавать оригинальные версии, в которых писатели стремятся, с одной стороны, придать изображаемому весомую историческую и общечеловеческую значимость, приобщить национальную литературу к мировому литературному процессу; с другой – постичь причины трагической действительности своего времени.

В культурный контекст начала XX века удачно вписывается тема античной Трои. Погибшая цивилизация особо интересует современного человека, который оказался в ситуации ощущения краха современного мира. Актуальность обращения и современной обработки троянского цикла мифов обусловлена также и временем его формирования. Этот цикл создается в переходный период в жизни античного общества, когда наряду с экономическими изменениями происходит переоценка морально-этических принципов. Формируется новый взгляд на место человека в окружающем мире. В современных обработках традиционных структур поиск опыта человека в разрешении внутренних противоречий личности, конфликта личности и толпы, тема трагической судьбы пророка ассоциируется с мифом о Кассандре, в котором первоначально поднимается проблема противостояния воле богов (в данном случае воле Аполлона).

В античной литературе образ Кассандры появляется в поэмах Гомера, а позже активно разрабатывается древнегреческими и римскими трагиками. Но ни в одном произведении Кассандра не является центральным персонажем, этот образ не играет основной роли в развитии сюжетного действия. Безысходность и трагическая судьба троянской прорицательницы привлекают внимание Эсхила («Агамемнон»), Еврипида («Александр», «Троянки»), Сенеки («Агамемнон»), неизвестного автора («Кассандра»), Ликофрона («Кассандреида»), Акция («Клитемнестра»). Античная Кассандра покорна судьбе, пассивна перед волей рока, она не в силах изменить ни свою судьбу, ни судьбу окружающих.

В европейской культуре интерес к Кассандре возрождается в конце XVIII века («Кассандра» Ф. Шиллера), а в первой половине XIX века интерес к этому образу усиливается в русской литературе («Кассандра» В.К. Кюхельбекера, «Кассандра в чертогах Агамемнона» А.Ф.Мерзлякова, «Кассандра» А.Н. Майкова). В XX веке, в эпоху мировых катаклизмов интерес к образу мифологической

прорицательницы принципиально актуализируется. В различных национальных литературах к образу Кассандры обращаются Леся Украинка («Кассандра»), Д. Дринкуотер («Ночь Троянской войны»), Ж. Жироду («Троянской войны не будет»), Г. Гауптман («Смерть Агамемнона»), А. Мак-Лей («Троянский конь»), Р. Байр («Агамемнон должен умереть»), К. Вольф («Кассандра»), Ч. Айтматов («Тавро Кассандры»), С. Гейм («Книга царя Давида»), Г. Грасс («Встреча в Тельгте») и др.

Для творчества Леси Украинки характерно активное использование легендарно-мифологических и евангельских традиционных структур, в которых сконцентрированы глобальные проблемы европейской цивилизации. Драматургия украинской писательницы в значительной степени основана на многообразных традициях.

Значительной по разработке психологических аспектов образа Кассандры является драматическая поэма Леси Украинки «Кассандра», в которой посредством глубокого психологического анализа осуществляется отчетливая связь архетипического образа с общественно-политическими изменениями современной автору эпохи.

В современном литературоведении существуют различные подходы в осмыслении основных конфликтов драмы. Так, традиционными в изучении ее идейно-тематического своеобразия признаны работы О.И. Билецкого, В. Петрова. В последние годы оригинальным становится феминистическое прочтение драмы Леси Украинки (В. Агеева), а также поиск в традиционном мифологическом сюжете украинских национальных мотивов (О. Забужко, Д. Донцов).

Обращение Леси Украинки к троянской теме обусловлено сложной общественно-политической ситуацией начала века. Трагическое ощущение своего времени находим в письме Леси Украинки к И.Я. Франко от 13-14 января 1903 г., где размышления автора намечают одну из ключевых проблем поэмы – проблему нависшего рока и неспособности героической личности разрешить экзистенциальные проблемы времени: «Отже, і надо мною фатум. То досить страшний фатум, бо він змінє діла в слова! Зате, правда, наші слова стають нашими ділами і судять нас люди «по ділах наших», а над ким того фатума нема, той базікає собі, скільки схоче, і ніхто з нього нічого не питає. І думається мені: коли такий наш фатум неминучий, то даремне й тікати від нього, а хто не хоче коритись, нехай осідлає того фатума, замість Пегаса, та й їде, куди сам схоче» [10, с.18].

Семантика античного мифа о Кассандре в пьесе Леси Украинки приобретает новое звучание и трансформируется в масштабную тему судьбы и роли пророка в трагической современной ситуации. Уже в начале драмы в образе Кассандры находим личность, вступившую в конфликт с богами и проповедующую покорность Мойре, прядущей нити судьбы:

«Що зможуть проти долі всі боги?
Вони законам вічним підлягають
Так, як і смертні, – сонце, місяць, зорі,
То світачі в великім храмі Мойри...
Рабів її благаги – і даремне,
І низько, я рабинєю рабів
Не хочу бути!» [9, с. 37].

В одной из сцен, близкой к кульминации, Кассандра «з кужілкою за поясом і з веретеном іде прядучи» [9, с. 42]. Предметы, находящиеся при ней и символизирующие функции Мойры дают возможность предположить о данном Кассандре высоком предназначении – повлиять на ход приближающихся трагических событий в Трое. Анализируя принципы функционирования мифологических образов женщин в литературе XIX-XX вв., А.Е. Нямец отмечает следующую закономерность: «... во всех глобальных и «частных» конфликтах и противостояниях, потрясающих человеческий мир, именно женщина, как правило, является страдающей стороной» [6, с. 81]. Так, в ходе развития сюжетного действия становится очевидным психологическое раздвоение героини: с одной стороны, перед нами личность, с ярко выраженным героическим началом, с другой – прорицательница, принципиально сомневающаяся в своих пророчествах из-за непонимания, а порою и презрения со стороны окружающих. Этот внутренний конфликт порождает неуверенность Кассандры в своих возможностях.

«Я собі не вірю.
Вже бачиш, довершилась божа кара:
Не тільки інші, а й сама Кассандра

Зневірилась в Кассандрі. Я не знаю,
Чи все то правда, що тепер я бачу» [9, с. 56].

Результатом собственной неуверенности становится невозможность Кассандры реализовать данное ей высокое назначение. В троянском мифе одним из основных роковых моментов, повлекших за собой трагическое падение Трои, является эпизод, в котором греческий лазутчик Синон убеждает троянцев принять в знак уважения от ахейцев деревянного коня со спрятанными внутри него греческими воинами. Именно Синон в нужный момент выпускает греков из их тайного оружия, что и повлекло за собой последующие трагические события для Трои.

В мифологическом сюжете Кассандра уговаривает троянцев не верить словам Синона и не вводит в Трою деревянного коня-ловушку, но к ее словам никто не прислушивается и Кассандре ничего не остается как покориться судьбе. В рецепции Леси Украинки автор дает шанс своей Кассандре повлиять на развитие трагической ситуации и тем самым отвернуть беду: в момент ее предостережения о грозящей от Синона опасности Кассандре вручается меч, чтобы казнить Синона и тем самым доказать свою решительность, твердость духа и правдивость своих предсказаний. Эпизода нет в мифе, в то время как в драме Леси Украинки он дает четкое представление о слабостях Кассандры, раскрывает причины, сделавшие ее трагической героиней. Отсутствие решительности порождает в героине сомнения по поводу своих предсказаний и Кассандра отказывается сделать решающий шаг.

Пророчество достойно внимания тогда, когда пророк, предвещая несчастье, предлагает выход из сложившейся ситуации, а интуитивные предчувствия Кассандры зачастую носят размытый неконкретный характер, она видит, но объяснить увиденное не может:

«Ох, Поліксено,
я завжди чую горе, бачу горе,
а показати не вмію. Я не можу
сказати: тут воно або он там,
Я тільки знаю, що воно вже є
і що його ніхто вже не одверне,
ніхто, ніхто. Ох, якби тільки можна,
то я б сама те горе одвернула!» [9, с. 22].

Неверие пророческим словам со стороны окружающих тяготит мифологическую Кассандру, в то время как в трактовке Леси Украинки героиня страдает не от того, что ее словам не верят, а что ее трагические предчувствия нарушают привычное спокойствие окружающих, разрушают надежду на спасение, вместо того, чтобы служить призывом к активному действию:

«Андромаха
Та що, Кассандро,
доволі з нас уже твоєї правди,
Зловісної, згубливої, так дай же
нам хоч неправдою пожити в надії.
Ох, я вже втомлена від тої правди!
Ой, дай мені хоч сон, хоч мрію, сестро!» [9, с. 55].

В реакции троянцев отражается универсальная психологическая черта человечества – люди не хотят знать горькую правду. Поэтому Троя – это не просто гибнущий город, но это модель изживающего себя мира, где нет места правде. В этой связи все основные персонажи поэмы оказываются антиподами Кассандры, кроме того, в каждом из них отсутствует дух отчизны: Парис ради любви готов пожертвовать родиной; Поликсену больше заботит обывательское счастье, нежели судьба отчизны; Деифоб оказывается отважным лишь на словах; Андромаха после падения Трои выходит замуж за эллина («Андромаха? Ся не була троянкою ніколи...» [9, с. 97]. Поэтому гибель Трои становится явлением вполне закономерным.

Логика предсказаний Кассандры исходит из понимания того, что зло не может не породить нового зла. В глазах Кассандры воплощением абсолютного зла становится Елена – причина всех несчастий Трои. В литературоведческом дискурсе трактовка конфликта этих героинь представляет особый интерес. Так, например, О. Забужко делает заключение, что в образах Елены и Кассандры представлена антитеза «двух Эросов», «двух Афродит» – Урании и Пандемос, «небесной» и «посполитой» (вульгарной)» [5, с. 240].

В причинах противостояния двух героинь видится воплощение в каждой из них полярных и в то же время взаимосвязанных характеристик женского архетипа. Согласно учению К.Г. Юнга об архетипах, женское начало символизирует не только жизнь, но и смерть. Оппозиция жизнь – смерть и представлена образами Кассандры и Елены. Елена представляет собой роковую силу, способную подчинить себе миллионы и несущую неминуемую гибель. Она символизирует Смерть, причиной которой и является («І ти, і смерть – обидві рідні сестри» [9, с. 10]:

Образ Кассандры представляется более сложным по своей семантической нагруженности. Развивая учение К.Г.Юнга о женском архетипе, его последовательница Кларисса Пинкола Эстес отмечает способность проявления в женском начале символической триады Жизнь-Смерть-Жизнь. Кассандра предсказывает только наихудшее, поэтому в восприятии окружающих Кассандра становится символом Смерти. На самом же деле, своими высказываниями Кассандра пытается донести до троянцев мысль об их духовной мертвенности, а предсказания их физической смерти несут характер скорее предостережения: что случится, если троянцы в своих действиях будут руководствоваться лишь собственным эгоизмом. Ее предостережения дают шанс на спасение, на психологическое перерождение, на новую Жизнь. Диалоги Кассандры с каждым из героев открывают возможность такого спасения. Проблема заключается в том, что Кассандра в силу своей слабости не может повлиять на окружающих, а жители Трои не хотят ей верить («Глухий не чує – де ж тут перемога?» [9, с. 14].

Таким образом, автор ставит принципиально важную экзистенциальную проблему эпохи – проблему пророка и толпы (обозначенную В.Агеевой как коммуникативный разрыв), развивая ее до проблемы власти над толпой. В образной системе пьесы эта проблема связана с образом псевдо-пророка Гелена. В ходе развития сюжетного действия образ Гелена помогает понять характер пророчеств самой Кассандры, что также является одной из литературоведческих дискуссий.

Многие исследователи драмы указывают на рационалистический характер предсказаний Кассандры, считая их логическими выводами из существующего положения вещей: «Зная людей так, как Кассандра их знает, не сложно предвидеть и предсказывать их судьбу» [3, с. 376]; «Ее видение рационалистически-аналитическое. Ее анализ логичен» [7, с. 62]. Раскрывая проблему отличий женского и мужского мировосприятия, В.П. Агеева утверждает, что «Кассандра *видит* картины будущего, не только логично предвидит, выстраивает причинно-следственный ряд, но и интуитивно предчувствует ход событий» [1, с. 139]. В драме находим: «Я не знаю нічого, окрім того, що бачу» [9, с. 14]. Героиня не властна над своими видениями, они происходят неосознанно на уровне интуитивных предчувствий. Кассандра лишь может сделать определенные выводы, сопоставляя свои предчувствия и реальный ход событий. «Умение *видеть время, читать время* в пространственном целом мира и, с другой стороны, воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон и раз и навсегда готовую данность, а как становящееся целое, как событие; это умение читать *приметы хода времени* во всем, начиная от природы и кончая человеческими нравами и идеями (вплоть до отвлеченных понятий)» [2, с. 216]. Таким образом, анализируя природу видений Кассандры, можно отметить их интуитивно-рационалистический характер.

В отличие от интуитивных предчувствий Кассандры, характер «предсказаний» Гелена отличается прагматизмом, он строит свои псевдо-предсказания по принципу анализа ситуации. Гелен – это пример «пророка», предсказания которого нацелены на собственные интересы и поэтому он предвещает «удобную» правду:

«Кассандра
Як же ти віщуєш?
Що кажеш людям?
Гелен
Те, що треба, сестро,
Те, що корисно або що почесно» [9, с. 61].

Мотив неверия в предсказания Кассандры, который изначально являлся ключевым в мифологическом сюжете, обрастает социально-философским содержанием и, приобретая обобщающий характер, трансформируется в проблему знания/незнания Истины. Так, оппозиция Кассандры и Гелена рождает проблему *знания* правды, приносящей несчастье и социальное одиночество пророку и ее *имитации*, дающей власть над окружающими. Кассандра предвещает беду, которую неспособна предотвратить, поэтому ее правда оказывается ненужной, в то время как

имитация правды Гелена (предвещать то, что полезно) пользуется уважением среди окружающих. Правда Гелена – это лишь способ манипуляции людьми, в то время как для Кассандры знание правды не может быть использовано для достижения собственных целей. Поэтому ее правда страшна и не нужна людям. Божий дар Кассандры трактуется окружающими как проклятие богов, а саму героиню часто провозглашают лишенной разума:

«Не винна ж ти, що хвора,
що бог тобі так затуманив думку,
що скрізь лихе ввижається тобі
там, де його і признаку немає,
що ти собі та й людям труїш радість» [9, с. 19].

Как уже отмечалось выше, в силу различных причин гибель Трои оказывается неминуемой. Столь трагичным становится и итог жизни самой Кассандры. В финале драмы Кассандра предсказывает собственную смерть и покоряется судьбе. После поражения Трои героиня осознает свою слабость, бесполезность своих пророчеств, ей не удалось переубедить троянцев и предотвратить собственные предсказания. Кассандра сломлена и ей остается лишь желать собственной смерти:

«Колись була пророчиця Кассандра, –
вона згоріла на пожежі в Трої,
слова її пророчі спопеліли,
і вітер їх розніс ген-ген по морю...
... Тепер нема нічого від Кассандри.
Царице, загадай мені роботу, –
я вмю все, окрім пророкування» [9, с.99].

Таким образом, в контексте рецепции мифологического сюжета о Кассандре в поэме Леси Украинки наблюдаем существенное усложнение характера героини путем актуализации психологических и социально-философских проблем. Углубление и развитие аксиологических доминант образа Кассандры на уровне ассоциативно-символического подтекста позволили писательнице раскрыть и осмыслить экзистенциальные противоречия современности.

Литература

1. Агеева В.П. Поетеса зламу століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації: Монографія. – 2-е вид. – К.: Либідь, 2001. – 264 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 424 с.
3. Білецький О.І. Від давнини до сучасності. Збірник праць з питань української літератури. Вибрані правці в 2-х т. Т.2 – К., Держлітвидав, 1960. – С. 358-381.
4. Донцов Д. Поетка українського рісорджіменто // Українське слово. – К., 1994. – Кн. 1. – С. 169-176.
5. Забужко О. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій: 2-е вид., випр. – К.: Факт, 2007. – 640 с.
6. Нямцу А. Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования): Монография. – Черновцы: "Рута", 2007. – 520 с.
7. Петров В. Драматична поема Лесі Українки «Кассандра» // Вісник АН УРСР. – 1991. – № 2. – С. 61-67.
8. Поліщук Я. Відлуння античного міфу загибелі («Кассандра» Лесі Українки) // Слово і час. – 1999. – № 8. – С. 18-27.
9. Українка Леся. Зібрання творів в 12-ти т. Т. 4. – К.: «Наукова думка», 1976. – 347 с.
10. Українка Леся. Зібрання творів в 12-ти т. Т. 12. – К.: «Наукова думка», 1979. – 696 с.

